

## Псаломъ 138.

### НАДПИСАНІЕ.

Въ концѣ дѣлъ (въ Евр. Начальнѣйшемъ пѣвцѣ пѣснь дѣдова), Псаломъ Захаріинъ, въ разсѣваніи.

### СОДЕРЖАНІЕ.

Въ семь псалмъ доказываетъ Давидъ, что Богъ есть праведный мздовоздаятель дѣлъ благихъ, и строгій судія злыхъ. А дабы въ томъ удостовѣрить людей, пространно разсуждаетъ о всевидѣніи Бога, посредствомъ котораго знаетъ подробно всю нашу природу, дѣла, слова и самыя помышленія, дабы никто сказать не могъ, что Богъ на наши дѣла не смотритъ, и что мы можемъ или суда Его избѣжать, или за заслуги вѣнца не получить.

### ТОЛКОВАНІЕ.

Ст. 1) Гдѣ, инокѣи азъ мѣ рѣи, и позна азъ мѣ рѣи: ты позна азъ рѣи гдѣніе мое и востаніе мое.

Давидъ въ предисловіи семь говоритъ, что онъ представляетъ себя предъ лице Бога не съ тѣмъ, чтобъ мнилъ что нибудь утаить предъ Нимъ, какъ дѣлаютъ лицемѣры, кои безстыдно и предъ Самимъ Богомъ притворяются; но понеже удостовѣренъ былъ, что отъ Бога ничто сокрыто быть не можетъ: сего ради всѣ свои чувства обнажаетъ предъ Нимъ, и передаетъ себя на испытаніе. Ты Господи, глаголетъ, искусилъ мя еси. Къ сему присовокупляетъ нѣкоторыя обстоятельства, коими означаетъ, что не одно дѣйствіе въ жизни его даже и малѣйшее не сокрыто отъ Бога. Ты позналъ еси съданіе мое, и востаніе мое, то есть, хожу ли я, или сижу, или встаю, Ты все сіе видишь, Ты всѣ движенія мои замѣчаешь: ибо не удовлетворяешься простымъ познаніемъ вещей, но хочешь все наиточнѣйшимъ образомъ знать, и самымъ дѣломъ подробно и точно все знаешь.

2) Ты разумѣлъ рѣи помышленія моя издалеча:

3) Стезю мою и оуже мое ты рѣи изслѣдовалъ, и всѣ пути моя пробѣдѣлъ рѣи.

Сими словами научаетъ, что Богъ не токмо знаетъ всѣ внѣшнія обстоятельства нашей жизни, но и всѣ внутреннія помышленія, всѣ совѣты и всѣ намѣренія. Ты разумѣлъ еси помышленія моя издалеча, то есть, прежде нежели я что нибудь помыслю, Ты задолго напередъ сіе знаешь. Ты издалеча знаешь стезю мою, то есть поступки мои, и пути мои какъ тѣлесные, такъ наипаче духовные. Ты, наконецъ, и уже мое изслѣдовалъ еси, то есть, тотъ конецъ, или ту цѣль, къ которой предназначенъ я, Ты вѣдаешь и то, достигну ли я ее, или не достигну. Кратко рещи: Ты разумѣлъ еси отъ вѣчности и начала, и средства, и конецъ дѣяній моихъ.

4) Гдѣкъ нѣсть льтѣи въ ѡзыцѣ моемъ (въ Евр. Гдѣкъ нѣсть глѡба на ѡзыцѣ моемъ), се гдѣ ты позна азъ рѣи, всѣ послѣдняя и древняя.

5) Ты создалъ рѣи мѣ, и положилъ рѣи на мнѣ рѣи твою.

Понеже сказалъ, что Богъ издалеча предвидѣлъ и помышленія, и совѣты, и намѣренія: сего ради вообще присовокупляетъ здѣсь, что Онъ знаетъ и всѣ другія движенія наши, даже до самыхъ праздныхъ словъ, яко нѣсть слова на языцѣ моемъ, котораго бы Ты не предвидѣлъ. Отсюда бо и Господь во Евангеліи свидѣтельствуемъ, что люди за всякое слово праздное воздадутъ отвѣтъ въ день суда (Матѹ. 12, 36): ибо Богъ все замѣчаетъ и на все зритъ, дабы все во время свое на судъ привести. Сего ради и праведный Іовъ со страхомъ сказалъ: исчислилъ еси словеса моя, и ничтоже Тя мимоидеть отъ грѣховъ моихъ (Іова 14, 16). А что Богъ знаетъ все, что до насъ касается, сіе доказываетъ Пророкъ двумя доводами: во первыхъ, что Онъ знаетъ все прошедшее и будущее, почему не дивно, что Онъ подробно знаетъ и всѣ дѣла человѣческія, которыя, между прочимъ, не послѣднее занимаютъ мѣсто; во вторыхъ, что Онъ создалъ человѣка, слѣдовательно нельзя сомнѣваться, чтобъ Онъ не зналъ, что въ немъ происходитъ, и что до него касается. Се Господи, Ты позналъ еси вся послѣдняя и древняя, то есть, вся имущая быть въ послѣдніе дни и вся прошедшая бывшая отъ давнихъ временъ. Ты, кромѣ сего, создалъ еси мя, — то есть, меня и всякаго человѣка, —

и по созданіи не оставилъ еси, какъ прочіе художники творятъ, но положилъ еси на человѣкъ руку Твою, дабы хранить и блюсти его; ибо иначе обратился бы онъ въ персть свою и въ первое ничтожество свое. И не токмо меня одного, но и всѣхъ смертныхъ съ тѣмъ создалъ еси, дабы имѣть ихъ предъ очами Твоими, и дабы они ни на малѣйшую черту никуда уклониться не могли безъ свѣдѣнія Твоего.

6) *וַיִּדְבַּרְסָא רִאזְמִז תְּבוֹן וְ מֵנֵ: וְיִתְבַּרְדִּיסָא, נֵה בּוֹזִמוֹגְלֵ קִז נֵמֵלֵ.*

Пророкъ, доказавъ двумя вышереченными доводами, что всевѣдѣніе Божіе распространяется на все относящееся къ человѣку, то дабы кто не возмнилъ, что оно уже стало быть для насъ понятно, присовокупилъ сей стихъ, дабы мы вѣдали, что всевѣдѣніе Божіе, хотя и весьма понятно по бытію своему, — сирѣчь, что оно есть величайшее въ Богѣ, — но весьма непонятно и совсѣмъ непостижимо по образу своему: то есть, какимъ образомъ Богъ предвидитъ будущія, а наипаче свободныя дѣйствія человѣка, которыя и быть, и не быть могутъ, каковы суть помышленія, слова, намѣренія, и прочія дѣла человѣческія. То же самое сказать можно о существѣ и о свойствахъ Божіихъ, что Богъ есть, и что есть всеилень, премудръ, праведень, благу, милостивъ и проч. — сіе весьма извѣстно; но что есть Богъ, и какимъ образомъ толь многоразличныя свойства составляютъ одно, самопростѣйшее существо — сіе кто познать или изрещи можетъ? *Удивися разумъ Твой отъ мене:* то есть, удивительнѣе, нежели я постигнуть могу его. *Утвердися, не возмогу къ нему:* то есть, превосмогаетъ понятіе мое, или превознесся выше, нежели чтооъ я постигнуть могу, яко вещь непостижимую.

7) *וְאִמְרֵי נִפְיֵדֵלֵ וְ אִדְלָא תְּבוֹעִגֵ; וְ וְ לִנְפֵלֵ תְּבוֹעִגֵ קִלְמֵ בְּעֵינֵ;*

8) *יֵיִצֵּהּ בְּזִיבֵלֵ נֵהוֹ, תְּיֵ תִלְמֵ עֵסֵ: יֵיִצֵּהּ עֵנִידֵלֵ בּוֹ אִדְלָא, תִלְמֵ עֵסֵ.*

9) *יֵיִצֵּהּ בּוֹזִמֵלֵ קְרִילֵ מוֹנֵ רִאנֵ (въ Евр. יֵיִצֵּהּ בּוֹזִמֵלֵ קְרִילֵ דֵנִינִצֵּי), וְ בֵעֵלֵסָא בְּזִ פּוֹסֵלְדִנִּיחֵ מוֹרֵלֵ:*

10) *וְ תִלְמֵ בּוֹ רִזְקֵלֵ תְּבוֹלֵ נֵהִתְבִּינֵתֵז מֵלֵ, וְ וְדֵרֵיִתֵז מֵלֵ דֵעֵנִיִצֵּא תְּבוֹלֵ.*

Присовокупляетъ другой доводъ къ подтвержденію вышереченныхъ словъ, то есть, что никто не можетъ укрыться отъ всевѣдѣнія Божія: ибо Богъ вездѣ есть, и вся исполняетъ, и что люди тщетно селятся избѣжать Божіихъ очей. Духъ не просто полагается здѣсь за силу, какъ въ иныхъ Священнаго Писанія мѣстахъ, но за разумъ и за всевѣдѣніе. Ибо какъ въ человѣкѣ жилище разума есть духъ, то Пророкъ сіе выраженіе переноситъ къ Богу, что изъ второй части яснѣе видѣть можно, гдѣ *лице* вмѣсто зрѣнія или очей полагается. Сущность словъ состоитъ въ томъ, что Давидъ не можетъ найти такого мѣста, гдѣ бы Богъ не примѣчалъ за нимъ, или бѣгущаго его не сопровождалъ очами. Такимъ образомъ говорить, что хотя бы онъ превыше небесъ взлетѣлъ, или въ преисподнихъ безднахъ сокрылся, но Богъ и горѣ, и низу обрящетъ его. Въ крыльяхъ *зари* или *денницы* видимъ прекрасную преносную мысль: ибо какъ скоро солнце взойдетъ на горизонтъ, то не иначе, какъ быстрымъ полетомъ свѣтъ свой вдругъ во всѣ части міра распространяетъ. Разумъ подобія есть такой, что хотя бы кто скоростію ногъ своихъ сравнился съ солнечными лучами, однако не можетъ найти такого убѣжища, гдѣ бы онъ могъ укрыться отъ Божіей власти. Ибо подъ именемъ *руки*, означается здѣсь власть: аки бы сказано было, что тщетно люди селятся укрыться отъ Божіихъ очей, поелику въ Его всеильной власти состоитъ удержать бѣглецовъ.

11) *וְ רִפְחֵז: עֵדֵלֵ תְּמֵלֵ פּוֹפֵרֵתֵז מֵלֵ (въ Евр. פּוֹכְרֵיִתֵז מֵלֵ), וְ נוֹצֵז פּוֹסֵבֵעֵינֵיִתֵּי בְּז מֵלֵדּוֹתֵי מוֹעֵי*  
(въ Евр. но и ноцъ бѣдетъ свѣтъъ ѿкретъ менѣ);

12) *וְיֵיִקֵּז תְּמֵלֵ נֵה פּוֹמְרֵחֵתֵז וְ תֵעֵבֵ (въ Евр. וְ תְּמֵלֵ נִיחֵתֵז פּוֹמְרֵחֵתֵז פְּרֵדֵ תְּבוֹבוֹ), וְ נוֹצֵז*  
*יֵיִקֵּז דֵּנֵז פּוֹסֵבֵעֵינֵתֵז: יֵיִקֵּז תְּמֵלֵ עֵדֵלֵ, תִלְקֵז וְ סֵבֵעֵתֵז עֵדֵלֵ.*

Пророкъ задаетъ здѣсь вопросъ самому себѣ: не можетъ ли онъ посредствомъ тьмы ночной укрыться отъ Бога? И отвѣтствуетъ, что сего никакъ сдѣлать не можетъ: ибо и тьма у Бога не есть тьма, но свѣтъ, какъ сказано у Іоанна: *Богъ есть свѣтъ, и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма Его не объятъ* (Іоан. 1, 5). Якоже бо свѣтъ солнечный вещественный не можетъ помраченъ быть тьмою (ибо сіяніемъ своимъ прогоняетъ тьму, и гдѣ находится солнце, тамо и день): тако и свѣтъ не-созданный, то есть Богъ, никакою тьмою объятъ быть не можетъ; ибо присутствіемъ Своимъ и

самую густѣйшую тьму разсыпаетъ. Итакъ, отнюдь никакого убѣжища не остается человѣку, гдѣ бы онъ отъ всевидящаго ока Божія укрыться могъ. По переводу 70 толковниковъ, оныя слова: *и ночь просвѣщеніе въ сладости моей*, означаютъ то же, что и вышереченныя, то есть, что и самая ночь не мрачна предъ очами Божіими, но есть просвѣщеніе; она открываетъ человѣка, въ сладострастіяхъ ночныхъ обращающагося. Ибо какъ люди, преданные плотскимъ удовольствіямъ, обыкновенно ищутъ тьмы, думая, что никто не увидитъ ихъ: сего ради и Апостоль глаголетъ: *спящии въ нощи спятъ, и упивающіися въ нощи упиваются* (1 Солун. 5, 7). И Пророкъ въ томъ же разумѣ здѣсь сказалъ: *ночь просвѣщеніе въ сладости моей*; ибо пріемлетъ на себя лице человѣка, на всѣ стороны обращающагося, дабы какимъ нибудь образомъ укрыться отъ Божія взора; но тщетно. Ибо око Господне, будучи свѣтлѣе самаго солнца, всякую тьму проникаетъ, и ничто не можетъ укрыться отъ него. Сіе яснѣе изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *яко тьма не помрачится отъ Тебе, и ночь яко день просвѣтитъ; яко тьма ея, тако и свѣтъ ея*. Ибо для Бога все едино, то есть, что день, что ночь, — понеже не меньше видитъ въ ночной темнотѣ, какъ и во свѣтѣ дня.

13) *Иѣкѡ ты создаѣи сѣи ѡтробы моѣ, воспріѣи мѣ сѣи ѡзъ чрева мѣтере моеѣ.*

14) *Исповѣмса тебѣ, ѣкѡ створиши ѡднѣи сѣи: чѣдна дѣла твоѣ, и душа моѣ знаетъ сѣи.*

Здѣсь хотя, по видимому, продолжаетъ то же ученіе, но въ самомъ дѣлѣ нѣчто особенное разумѣетъ: ибо-де не чудно, что въ самыя сокровеннѣйшія помышленія человѣческія входитъ, когда есть Творецъ сердець и утробъ. Такимъ образомъ изображаетъ, что въ самыхъ утробахъ человѣческихъ поставлено судилище у Бога, съ котораго даетъ Онъ рѣшительные приговоры. И не дивно, что не обманываютъ Его сокровенныя изгибы сердець нашихъ, когда еще заключенныхъ насъ во чревѣ матернемъ такъ ясно видѣлъ, какъ бы лежали мы посередѣ полудня предъ очами Его. Отсюда видимъ, по какому случаю Давидъ о созданіи человѣка упоминаетъ здѣсь. Къ сему же надлежитъ и слѣдующій стихъ, въ словахъ котораго хотя есть нѣкоторое двоесловіе, но разумъ удобенъ и ясенъ. Ибо Давидъ говоритъ, что онъ такимъ чуднымъ образомъ во утробѣ матерней воображенъ, что по справедливости приходится во удивленіе и ужась, и потому принужденъ бываетъ хвалить и прославлять Бога. Потомъ отъ части преходитъ къ цѣлому, или отъ вида къ роду, изображая, что очамъ нашимъ столько же представляется Божіихъ чудесъ, сколько есть дѣлъ, восхищающихъ наши мысли. Слѣдующія слова: *и душа моя знаетъ зѣло*, означаютъ не совсѣмъ совершенное познаніе дѣлъ Божіихъ, но одно токмо понятіе, что они велики и чудны. Подобно какъ не видимъ и не знаемъ, коль велико есть море, но знаемъ, что весьма обширно; а знаемъ потому, что ни съ какой стороны всего видѣть не можемъ. Равнымъ образомъ, и на солнце прямо смотрѣть не можемъ, но чрезъ то самое разумѣемъ, что свѣтъ Его весьма великъ. Такимъ образомъ не то познаніе полагается здѣсь, которое чувствамъ нашимъ подлежитъ, и которое Давидъ именемъ чудесъ нареклъ, но означаетъ только благоговѣйное вниманіе къ Божіимъ дѣламъ, которое долженствуетъ располагать насъ къ прославленію Бога.

15) *Не ѡчлѣиа кости моѣ ѡ тебѣ, ѣже сотвориѣи сѣи въ члѣнѣ, и кости моѣ въ преподѣннхъ земли.*

Пророкъ изъ творенія человѣка выводитъ такое заключеніе, что Богу нѣтъ ничего сокровеннаго, и что Онъ несравненно превосходитъ самыхъ величайшихъ художниковъ. Ибо сіи къ произведенію своего дѣла имѣютъ нужду въ помощи глазъ: Богъ же безъ всякой помощи очей вообразилъ насъ во утробѣ матерней. Сію утробу матернюю сравниваетъ потомъ съ преисподнею землею, гдѣ царствуетъ одинъ токмо мракъ. Ежели бы художникъ въ темной нѣкоей пещерѣ, безъ всякой помощи свѣта, захотѣлъ приступить къ произведенію нѣкоего дѣла: то откуда бы онъ началъ, и какимъ бы образомъ могъ продолжить и окончить свое художество? Но Богъ, не имѣя помощи ни отъ какого свѣта, производитъ дѣло изъ всѣхъ совершеннѣйшее, то есть, воображаетъ составъ человѣка во тѣмѣ утробы матерній, подобно металламъ, въ мрачныхъ нѣдрахъ земли произведеннымъ. Откуда убо приходитъ мысль человѣку укрыться гдѣ нибудь отъ Бога, и такъ свободно грѣшить, какъ всѣ мы грѣшимъ? Имя *состава*, или сочлененія костей, относится къ увеличенію вещи. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что Давидъ хотѣлъ изобразить здѣсь то, что въ составѣ человѣческаго тѣла видимымъ образомъ проявляется непостижимая Божія премудрость. Тѣ,

которые видѣли раззѣтіе челоуѣческаго тѣла, не могутъ довольно надивиться, какимъ образомъ Богъ устроилъ такое множество костей, какъ великихъ, такъ и малыхъ, и самыхъ малѣйшихъ, удивительно между собою соединенныхъ: все же сіе содѣлано въ самомъ тѣснѣйшемъ и тайномъ мѣстѣ, безъ помощи орудій. Почему не удивительно, ежели Богъ людей, произведенныхъ на свѣтъ, такъ подробно и такъ точно знаетъ, когда еще во чревѣ матернемъ подробно исчислилъ всѣ кости ихъ.

16) Несодѣланное мое видѣстѣ очн твои, и въ книзѣ твоей всѣ написаны, во днѣхъ созиждѣна, и никтоже въ нихъ.

Сіи темные въ нашемъ переводѣ слова, въ Еврейскомъ текстѣ полнѣе и яснѣе читаются такъ: *несодѣланное еще (тѣло) мое видѣстѣ очи Твои, и въ книгу Твоей вся та написана суть: и дни, въ няже создана, ни единому отъ нихъ еще бывшу.* Пророкъ продолжаетъ здѣсь описывать Божию премудрость въ разсужденіи устроенія челоуѣческаго тѣла, и чрезъ *несодѣланное* разумѣть тѣло невоображенное, которое испытатели естества нарицають зародышемъ, въ которомъ не видно еще ни образа, ни раздѣленія членовъ. Сіе, глаголетъ, *несодѣланное мое видѣстѣ очи Твои*; аки бы сказалъ: Господи, Ты меня, еще неполучившаго сего вида, въ какомъ теперъ я нахожуся, меня еще созидаемаго, еще составляемаго и сочленяемаго, видѣлъ Твоими очами толь же ясно, какъ и пріившаго образъ и совершенно созданнаго: убо нынѣ ли могу быть Тебѣ неизвѣстенъ? Такимъ образомъ Пророкъ умословствуетъ отъ большаго къ меньшему: что ежели онъ прежде нежели получилъ совершенный образъ и извѣстенъ былъ Богу, то кольми паче нынѣ не можетъ быть Ему неизвѣстенъ. Потомъ говоритъ, что *въ книгу Его вся написана суть*: то есть, что весь способъ творенія совершенно Богу извѣстенъ; ибо подобіе *книги* взято отъ людей, употребляющихъ записки для вспоможенія памяти. Но Богъ, глаголетъ, все написанное въ книгѣ своей совершенно знаетъ: ибо не имѣетъ нужды ни въ какихъ пособіяхъ памяти. Слѣдующія за симъ слова: *и дни, въ няже создана, ни единому отъ нихъ еще бывшу*, двоякимъ образомъ толкуются. Нѣкоторые относятъ ихъ ко днямъ творенія челоуѣка, и выводятъ разумъ такой: всѣ кости мои написаны были въ книгѣ Твоей, Боже, отъ начала творенія міра, когда Ты созидалъ еще первые дни, и когда еще ни одинъ изъ нихъ не существовалъ. Другіе инымъ образомъ толкуютъ, что каждая часть челоуѣческаго тѣла не вдругъ, но съ послѣдствіемъ времени воображается и созируется, что и справедливо: ибо видъ челоуѣка и соразмѣрность членовъ не въ то самое время располагается, когда сѣмя съ сѣменемъ соединяется, но тогда приводится въ порядокъ, когда смѣшеніе оное пріуготовлено будетъ въ надлежащій видъ. Какъ бы то ни было, мы должны удивляться здѣсь Божіей премудрости, которая безобразную и гнилую оную смѣсь въ продолженіе немногихъ дней совершаетъ и приводитъ въ толь прекрасный видъ, какимъ украшено челоуѣческое тѣло.

17) Минѣ же сѣлау чѣстни бѣша дрѣзи твои бже, сѣлау оутвердишася владѣствѣа ихъ (въ Евр. *סגול רדני כולם דראצוניותי מיני בך, סגולו ויטעניו בלדויותיהם יחז*).

18) Изочтѣ ихъ (въ Евр. *יחז יחז*), и паче перка оумножатѣ: востѣхъ, и сѣце сѣмь съ тобою.

Пророкъ съ удивленіемъ повторяетъ здѣсь вышереченное ученіе, и сіе творитъ не безъ причины: ибо мы вѣдаемъ, что сіи толь преславныя Божіей премудрости доказательства, проявляемыя въ твореніи челоуѣка и во всемъ теченіи жизни его, многіе или пренебрегаютъ, или оцѣниваютъ низко и не по ихъ достоинству. Сего ради Пророкъ, увеличивая цѣну ихъ, нарицаетъ ихъ драгоценными, поелику превышаютъ челоуѣческое понятіе. Въ семь разумъ упоминаетъ и о числѣ ихъ, нарицаая оное великимъ, поелику превосмогаетъ умы смертныхъ. То же самое и въ слѣдующемъ стихѣ подтверждаетъ, говоря, что ежели бы онъ исчислить восхотѣлъ сокровенныя Божіи совѣты, то бы безпредѣльность ихъ превзошла количество песка морскаго. Откуда слѣдуетъ, что мѣра понятія нашего не вмѣщаетъ ни тысящныя части ихъ. Слѣдующія вскорѣ за симъ слова: *востахъ, и еще есмь съ Тобою*, означаютъ, что Давидъ коликкократно отъ сна вставалъ, толиккократно представлялася ему новая матерія къ размышленію о неизреченной премудрости Божіей. Почему изреченіе сіе не должно сокращать въ одинъ токмо день, но распространять на всю жизнь. Ибо

какъ выше сказалъ: *удивися разумъ Твой отъ мене, утвердися, не возмогу къ нему*: такъ и здѣсь, въ томъ же разумѣ говоря, присовокупляетъ: *востахъ и еще есмь съ Тобою*, то есть, коликократно ни пробуждаюся отъ сна, всегда нахожу новый случай къ удивленію: ибо безпредѣльное величество премудрости Твоя поглощаетъ мои чувства. По переводу 70 толковниковъ, Пророкъ, размышляя о друзьяхъ Божіихъ, подъ именемъ коихъ разумѣетъ праведныхъ людей, удивляется, изъ коликкой бездны несовершенства возводитъ Богъ людей, и на коликкомъ степени совершенства поставляетъ ихъ. Ибо, изводя изъ тѣсна утробы матернія, воспріемлетъ въ пространное царство небесное, и дѣлаетъ равноангельными, и сынами Своими и наслѣдниками, и братіями и снаслѣдниками едиnorodнаго Сына Своего. Сими словами показываетъ Пророкъ, что онъ, вѣдая толь великую славу святыхъ Божіихъ друзей, и самъ горитъ любовію къ Богу, и имѣетъ желаніе участвовать въ славѣ ихъ.

19) *И́ще ѡзбѣѣши грѣшники бже, мѡже кровей, ѡклонителѡ ѡ мене.*

Сими словами Пророкъ изображаетъ, что онъ въ размышленіи Божіихъ судебъ, относящихъ къ дѣламъ человѣческимъ, непрестанно упражняется потщится, дабы преуспѣть въ благочестіи и страхѣ Его, наипаче когда Богъ накажетъ нечестивыхъ. Сіе признаетъ онъ за полезное потому, что казни, налагаемая на нихъ, удаляютъ избранныхъ отъ сообщества ихъ. Ибо хотя Давидъ совершенно преданъ былъ благочестію и страху Божію, однако при всемъ томъ имѣлъ нужду, какъ и прочіе вѣрные, въ нѣкоторомъ обузданіи, какъ сказано и у Пророка Исаіи: *всякъ иже не научится правды на земли, истины не сотворитъ: да возмется нечестивый, и да не видитъ славы Господни* (Гл. 26, 10). Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что Пророкъ поставляетъ здѣсь Бога свидѣтелемъ своя невинности, и выходитъ свободно предъ судилище Его, вѣдая, что онъ не есть изъ числа нечестивыхъ презрителей Бога, и не имѣетъ съ ними никакого дѣла. Сей стихъ въ Еврейскомъ подлинникѣ читается такъ: *о да бы убилъ еси беззаконники, Боже! и мужемъ крови реклъ быхъ: отступите отъ мене*. Наричаетъ мужаи кровей не токмо убійць, кои неправедно проливаютъ человѣческую кровь и собственно нарицаются *мужие кровей*; но и всѣхъ другихъ беззаконниковъ и злодѣевъ, кои ближнему вредятъ и убиваютъ какъ свои души грѣхомъ, такъ и души другихъ соблазномъ (1 Іоан. 3, 15).

20) *И́кѡ ревниви ѡстѣ въ помышленіихъ, пріимѡтъ въ свѣтъ грады твоѡ (въ Евр. И́же глаголютъ мерзость на тѡ, ѡ вѣе превозносаѣтъ врази твоѡ).*

Сими словами изображаетъ, до коликкой дерзости доходятъ нечестивые, когда Богъ щадитъ ихъ и мстящею рукою не караетъ: ибо не токмо мнятъ, что все пройдетъ имъ безъ наказанія, но явныя хулы изблеваютъ на Самого Судію. Люди, въ которыхъ еще остался нѣкоторый стыдъ, удерживаютъ свои языки: но *сіи глаголютъ мерзость на Тя*, — ибо никакими цвѣтами не прикрываютъ злобы своя, но явно показываютъ презрѣніе къ Богу. Слѣдующія во второмъ членѣ слова: *и всуе превозносятся врази Твои* — означаютъ, что нечестивые не Бога чтутъ, но самихъ себя превозносятъ хвалами, и суетнымъ высокомеріемъ парятъ выше облаковъ. Сіе превозношеніе всегда почти бываетъ сопряжено съ тою мерзостію, о которой Пророкъ упоминаетъ здѣсь. Ибо откуда въ нихъ толикій ядъ богохуленія, который изблеваютъ они на Творца своего, ежели не оттуду, что будучи надменны гордостію, забыли о себѣ, что они суть бѣдныя твари? По сей причинѣ нарицаютъ ихъ врагами Божіими: ибо всякъ, кто выше мѣры себя превозноситъ, подобно исполинамъ, воюетъ противъ Бога. По сей же причинѣ и въ нашемъ переводѣ прилично нарицаются *ревнивыми въ помышленіяхъ своихъ*, ибо не по Бозѣ ревнуютъ, но по своимъ злоухищреннымъ умствованіямъ; и когда воинствуютъ, и покоряютъ грады и народы, то не Богу славу, но себѣ и силамъ своимъ присвояютъ побѣду.

21) *Не ненави́дѣхыя ли тѡ гдѡ возненавѣдѣхъ, ѡ врази твоѡхъ нечѡдѡхъ;*

22) *Совершенно ненави́стїю возненавѣдѣхъ ѡ: во врази быша мѡ.*

Изъ сихъ словъ явствуетъ, что Давидъ такъ любилъ Божію славу, что не могъ терпѣть презрителей Бога. Сущность словъ состоитъ въ томъ, что онъ никакого согласія не имѣлъ съ дѣлами тьмы. Ибо кто грѣхамъ потакаетъ и прикрываетъ ихъ молчаніемъ своимъ, тотъ дѣлается

вѣроломнымъ измѣнникомъ Божія дѣла, и прогнѣваетъ Бога, Который повелѣваетъ намъ защищать Его правду. Почему неудивительно, ежели тотъ, который всѣмъ сердцемъ прилѣпился къ Богу, изъявляетъ ненависть свою къ ненавидящимъ Бога, и истаяваетъ отъ болѣзни, видя призираема отъ нечестивыхъ своего Владыку. Но здѣсь замѣтить должно, что ненависть, о которой упоминаетъ Пророкъ, не столько къ лицамъ, сколько къ порокамъ относится; ибо Богъ повелѣваетъ намъ со всѣми миръ имѣть, и мы должны пешихся о спасеніи всякаго человѣка, и ежели возможно, человѣколюбіемъ и кротостію обращать грѣшниковъ на путь. Но ежели они упорно противоборствуютъ Богу, то и мы должны сильно противостоять имъ.

23) *Искѹси мѧ, бже, и оубѣжди сердце мое: нечуждїи мѧ и разумѣи стезїи моѧ.*

24) *И виждь, ѡще путь беззаконїа во мнѣ, и настави мѧ на путь вѣченъ.*

О чемъ въ началѣ псалма просилъ, о томъ и здѣсь просить Бога, дабы искусилъ и истязалъ сердце и стези его, то есть, и поступки, и дѣйствїя, и помышленїя, и желанїя, и намѣренїя его: и ежели увидить въ немъ путь беззаконїа, то отвелъ бы, и наставилъ на путь добродѣтели, дабы могъ онъ и мыслить, и желать, и дѣлать то, что относится къ полученію вѣчныхъ благъ.

---

По книге: ТОЛКОВАНІЕ НА ПСАЛТИРЬ, по тексту еврейскому и греческому, истолкованное тщанїемъ и трудами Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члена, покойнаго Архіепископа Псковскаго, Лифляндскаго и Курляндскаго и Кавалера, ИРИНЕЯ. Изданіе девятое. Часть вторая. МОСКВА. Синодальная Типографїя. 1903 г.